

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-263-272

ПРАВО И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Алексей Викторович Римский¹, Василий Сергеевич Любченко²✉

¹*Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия*

²*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)*

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹*rimskiy87@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 1041649, SPIN-код: 3030-0325*

²*v.s.lyubchenko@gmail.com ✉, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID РИНЦ: 372408*

Аннотация. *Цель исследования состоит в рефлексии права и социальной справедливости, обнаруживающих парадоксальность в российском обществе, расхождение между декларируемыми целями и реалиями социальной жизни, в том, что развитие социальной жизни и формулируемые правовые принципы находятся в состоянии смысловой и функциональной асимметрии.*

Методология исследования *базируется на сформированных российскими исследователями идеях социокультурных расколов хорошего общества, несправедливого социального порядка.*

Результаты исследования *состоят в следующем: выявлена определенная концептуальная незавершенность несоответствия понятий права и социальная справедливость в контексте того, что социальная справедливость является эпистемологической пустотой и может быть инкорпорирована в систему актуального права как мера, определяющая равенство возможностей граждан, исключая тем самым введение моральных императивов в систему права, которое в этом случае становится логикой долженствования. Важным моментом является сближение «несовершенного» права с социальной справедливостью как социальной меритократией на основе совершенствования процедурного равенства.*

Перспективы исследования *заключаются в том, что требуется концептуальная проработка условий соответствия права и социальной справедливости по критерию рациональности, а также выявлении реальных тенденций в оценке понимания справедливости в различных слоях российского общества, чтобы прогнозировать правовые инновации.*

Ключевые слова: *право, социальная справедливость, российское общество, социальная поляризация, парадоксы, соответствие, элиты*

Для цитирования: *Римский А. В., Любченко В. С. Право и социальная справедливость: парадоксы современного общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 263–272. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-263-272>.*

Original article

LAW AND SOCIAL JUSTICE: PARADOXES OF MODERN SOCIETY

Alexey V. Rimskiy¹, Vasily S. Lyubchenko²✉

¹*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after I. D. Putin, Belgorod, Russia*

²*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*rimskiy87@mail.ru, AuthorID RSCI: 1041649, SPIN: 3030-0325*

²*v.s.lyubchenko@gmail.com*✉, *ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID RSCI: 372408*

Abstract. *The purpose of the study is to reflect on law and social justice, which reveal a paradox in Russian society, a discrepancy between the declared goals and the realities of social life, that the development of social life and the formulated legal principles are in a state of semantic and functional asymmetry.*

The research methodology is based on the ideas of sociocultural splits of a good society and an unfair social order formed by Russian researchers.

The results of the study are as follows: a certain conceptual incompleteness of the discrepancy between the concepts of law and social justice is revealed in the context of the fact that social justice is an epistemological void and can be incorporated into the system of actual law as a measure determining equality of opportunities for citizens, thereby excluding the introduction of moral imperatives into the system of law, which in this case becomes the logic of duty. An important point is the convergence of «imperfect» law with social justice as a social meritocracy based on the improvement of procedural equality.

The prospects of the study lie in the fact that a conceptual study of the conditions for the conformity of law and social justice according to the criterion of rationality is required, as well as the identification of real trends in assessing the understanding of justice in various layers of Russian society in order to predict legal innovations.

Keywords: *law, social justice, Russian society, social polarization, paradoxes, conformity, elites*

For citation: *Rimskiy A. V., Lyubchenko V. S. Law and social justice: paradoxes of modern society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 263–272. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-263-272>.*

Актуальность темы исследования. Бывший Министр юстиции ЮАР, видный деятель АНК Б. Мабандла пришла к парадоксальному выводу, что Южно-Африканская конституция, принятая при всеобщем энтузиазме и поддержке «иконы» национально-освободительного движения в Африке Н. Манделы, по существу воспроизводит систему социального апартеида и не продвинула южноафриканское общество к социальной справедливости. Если сформировалось богатое африканское меньшинство, так же, как и появились «бедные белые», это не оз-

начает, что в обществе растет уверенность в социальной справедливости. По ее мнению, конституция ЮАР на три четверти скопирована из системы англо-саксонского права, в котором понятия «собственности» и прав человека являются неразделимыми. Иными словами, личность обладает правами, если является собственником. По отношению к «не собственникам» не действует принцип «правового равенства»: «не собственники» не обладают всей полнотой прав. Если обратиться к истории Британии и США, феномен расизма определяется социальными проти-

воречиями, но опять же, политика «обратной дискриминации» ни в ЮАР, ни в США не стала возможностью достижения социальной справедливости.

Какое мы в России имеем отношение к тому, что происходит на африканском континенте? Что не имеет аналогов в России в связи с «другой» историей, что Россия не переживает постколониальный дискурс? Хотя тезис «оккупации» и «деоккупации» охотно используется на постсоветском пространстве, но эта ситуация если и имеет отношение к социальной справедливости, то определяется судьбой миллионов русских и русскоязычных, прошедших горнило этнических преследований, отъема имущества, лишения работы и морально-психологического пресинга. В современном российском обществе есть запрос на социальную справедливость, так как мы являемся обществом социальной поляризации, монополии экономических, финансовых и политических элит, которые не без основания обвиняют в правовом неравенстве, в дефиците ответственности перед обществом и законом, в имплементации права как инструмента манипулирования общественным мнением и воспроизводства социального неравенства.

Обозначенные критические замечания, несмотря на их очевидность в массовом сознании, нуждаются в рефлексии, определении того, как социальная справедливость, утвердившаяся в качестве универсальной общественной меры, расходится или сходится с принципами права, о чем пишет известный немецкий исследователь О. Хеффе в эссе «Справедливость» [14]. Полагая, что при межкультурном сходстве различных культур и эпох справедливость понимается в качестве равенства «каждому по его ценности человека как такового» или в элементарном смысле «каждому по потребности».

Но межкультурный дискурс справедливости «работает» в оценке культурного наследия, принимая формы парадоксальности противоречия между реальным и декларируемым в современном обществе. Францию, страну «классической» социальной справедливости, с развитыми традициями борьбы за социальные права, характеризует принятие самых жестких ограничений проведения политики «вакцинации», что означает исполне-

ния пророчества философа С. Жижека о том, что современное западное общество подвергается «тоталитаризму» под видом заботы о здоровье человека: Жижек писал о наступлении эпохи «паноптизма» с началом борьбы за утверждение здорового образа жизни, ограничения курения в общественных местах и обязательной сертификации здоровья в вопросах трудоустройства. В этом он видел стремление современного капитализма переложить заботу о здоровье на самих трудящихся, и логика изоляции и вакцинации в современный период не противоречит мыслям С. Жижека [3].

В таком смысловом контексте высказывался немецкий философ У. Бек: «другой» модерн означает и другую социально политическую форму, когда государство осуществляет интервенционизм в священную для либерализма приватную сферу в рамках экспертной политики, обязательных советов по поведению и настроениям, одобрения запретов и ограничений на основании общественной безопасности [2]. Резюмируя данные высказывания, мы подчеркиваем актуальность реализуемой темы для современного российского общества, где россиян волнует не навязываемый западом дискурс о нарушении прав человека и возрождения практик преследования инакомыслящих, а объем их реальных социальных возможностей к допуску к удовлетворению базовых социальных потребностей в сфере социального быта, образования, здравоохранения, безопасности. Общественное настроение фиксирует углубление кризисных настроений, апатии и неуверенности в будущем, что вместе с тем не определяет повышенный интерес к правовым инновациям, связанным с социальной справедливостью.

Здесь сразу же следует оговориться, что ультралиберальные обвинения россиян в стремлении к социальному уравничеству, социальному иждивенчеству, социальной безынициативности пахнут «нафталином»: подавляющее большинство россиян сформировались в период социальной транзиции, имеющей результатом перестройку базовых социальных и правовых институтов — российское конституционное право содержит ссылки на социальное и правовое государство, но данное положение не подвергается критическому осмыслению. Вероятно, здесь

причина не только в незыблемости конституционных принципов, а в том, что конституционное право выступает по отношению к действующей социальной и правовой реальности в абстрактно всеобщем виде и в позиции россиян с конституцией связываются высшие политические начала, обнаруживается минимальный интерес к социальному влиянию конституционных норм общества в целом. Прошел период правового анархизма, но общество не достигло состояния правовой компетентности, понимания того, что правовая система регулирует общественные отношения, основываясь на взаимной ответственности и солидарности, что справедливость является результатом социальных и правовых изменений и что внушаемая обществу идея об избыточных социальных неравенствах концентрирует внимание на частностях, но не определяет существо проблемы [14].

Методология исследования. Продолжая эту мысль, следует говорить о «неслучайности», поскольку «социальная справедливость», несмотря на долгую историю и аргумент межкультурного сходства как универсального принципа человеческого общежития, является парадоксальной, включает то, что можно анализировать как эпистемологическую «пустоту» [10], не содержащую возможности сформулировать принципы отношений личности и общества, общества и государства [6]. Либеральная традиция, возникшая в эпоху Просвещения, считалась тем, что юристы имели различные мнения о соотношении рациональных принципов и обычаев в обосновании правовой системы. Но если обсуждать проблемы естественного права, самозащиты и самосохранения человека, нужно принять феноменальность, сотворенность права в общественных отношениях и дискриминировать иные, нерациональные, аргументы происхождения и воздействия права [7]. Иными словами, право стало результатом деонтологизации, детеологизации общества и человека, вошло в дискурс эпохи Просвещения и определялось как мера перехода от нецивилизованности к цивилизованности. В интеллектуальном плане была обоснована гоббсовская традиция права как основа для упорядочения гражданского (правового) общества и локковский принцип конвенционализма. Но в обоих случаях

речь шла о выходе из естественного состояния и взгляд на право как возможность объективного выражения рациональных устремлений человеческой природы. Здесь следует определиться с тем, что в правовых рассуждениях эпохи Просвещения есть место цивилизованности человека, разумности, но при этом царит скептицизм относительно того, как человек может быть разумным в своих обязанностях по отношению друг к другу, собственности и государству [12].

Опыт о человеческом вразумлении эпохи Просвещения, с одной стороны, говорит о том, что не существуют врожденные идеи справедливости и разумности, это есть результат воспитания, с другой — сам процесс воспитания нельзя предопределять добровольно, обращаясь к правовой системе как к тому, что является ограничительно моральным действием, выводит человека из естественного состояния баланса «страданий» и «удовольствий» и делает необходимым установление ограничений, связанных с поддержанием договорных отношений по поводу прав и обязанностей, озабоченности богатством, идентичностью, здоровьем, что имеет логическое завершение современной версии политики заботы о здоровье современных западных государств. Но речь идет о том, что важное обстоятельство для развития правовых взглядов эпохи Просвещения состоит в том, что личность является субстанцией, что право начинается и заканчивается в рамках индивидуности, неразделимости прав и свобод личности [8].

И это является самым существенным свойством либеральной версии права, постоянно испытывающей когнитивную напряженность между «позитивизмом» и «негативизмом». И. Берлин характеризовал это очень точным выражением борьбы метафизических оснований, утверждающих следующее: позитивное понимание свободы как процесса беспрепятственной реализации духа и негативной, в которой речь идет о том, что нет возможности делать все, что хочешь, и что в своем индивидуалистическом виде нужно отождествлять себя с разумными критическими состояниями, контролировать не потому, что важны мотивы, а потому, что важны правовые принципы [1]. Другими словами, либеральная теория, ставшая источником

современных версий современного права, является обоснованием правового индивидуализма, в котором соображения безопасности, самоотречения личности, самоограничения во имя высших интересов не являются убедительными аргументами, а напротив, ведут к вымиранию права, к диктатуре и поощряют авторитаристские устремления личности.

В целом современный либерализм, о чем свидетельствует дискуссия либералов и коммуитаристов, с которой российский читатель был ознакомлен в конце 90-х гг., осознает уязвимость либеральной концепции в условиях не столько глобализации и утилитаризма, обосновывающих индивидуальные права и свободы вне их фундаментального значения и приводит к императивности высказываний относительно того, что если мы отступим от морального обоснования либеральных принципов, не исчезнет возможность отстаивать основные человеческие права как вполне конкретно обоснованные интересы и свободы индивидов. Для современных либеральных теоретиков наступила эпоха модификации принципа толерантности, принятия равенства различных представлений о социальном благе, что в определенной степени способствует эрозии правовых норм в контексте альтернатив различных мигрантских сообществ. Здесь ясно проявляется парадокс того, что сама политика миграции основывается на защите права личности на безопасность и благополучия, и вместе с тем принцип толерантности обязывает быть нейтральным к различным формам тех явлений, которые могут явно противоречить концепции правового индивидуализма, легитимировать патриархальную модель семейных отношений с доминированием идеологии мускулинизма, воспроизводить схемы насилия и диктата в приватной сфере, и как печальный итог — ни коим образом не стимулирует лояльность к либеральным правовым принципам, в которых ведётся слабость государства и безволие общества. В большей степени можно говорить «о следах» постмодерна, наступления эпохи бессубъектной и дивидности индивида, трансформации большого нарратива о праве в малые повествования о релевантности правовых норм, действующих контекстуально и ситуативно вне критерия универсальности [4]. Здесь

удивительно проявляется зависимость российской элиты от западного дискурса о правах человека в реальности там, где эти права в классическом просвещенческом измерении исчезли и в реальности превратились в эффекты прав меньшинств обратной дискриминации, диктата культурных различий как способа новой социальной сегрегации. Принцип нейтральности современных либералов выводит соотношения между правом и социальной справедливостью вне системы справедливого сотрудничества, действует по принципу приблизительного соответствия. Таким образом, есть необходимость рассмотреть парадоксы права и социальной справедливости в современном российском обществе, исходя, во-первых, из объективного фактора, связанного с двойственной природой права, в соответствии бюрократии и государства, и субъективного фактора, определяемого тем, как понимается право, его назначение в массовом сознании россиян, определяемым образом «хорошего общества» и социальной справедливости как равенства возможностей личности.

Данная позиция нацеливает на выбор теоретико-методологического инструментария исследования, руководствуясь «бритвой Оккама», то есть определиться с методологическими принципами и процедурами, характеризующими противоречивость права и социальной справедливости в российском обществе как фактор, исторически и логически обусловленный. Данное заключение нацеливает нас на актуализацию в исследовании теории хорошего общества В.Г. Федотовой, социологии неравенства О.И. Шкаратана, власти собственности и частного пространства в России М. Трудолюбова, а также в качестве сохраняющего объяснительную силу концепта социокультурных расколов А.С. Ахизера [16].

Практически российская социогуманитарная мысль характеризуется воспроизводством рецессивности, так как явно обнаруживает склонность к выработке конфликтных позиций, спору между почвенниками и западниками, либералами и патриотами, ссылаясь при этом либо на аргумент запаздывающей рецидивирующей модернизации, либо на приоритетность социальной справедливости, имеющей корни в русской православной традиции, начиная с молчаливчества и нестяжа-

тельства. Самое «неприятное» состоит в том, что, как показывает логика развития правовой мысли в России, право воспринималось интеллигентским рефлексующим сознанием в принципе по-европейски, но не в качестве мягких переходов от архаизированных форм общественной жизни к ускоренной модернизации, а на уровне критики и ниспровержения самодержавия, регрессирующей монархии, что дало ответ в непрерывности Февральской и Октябрьской революций как перехода инициативы к радикалам, нацеленным на диктатуру пролетариата. При всем том, что современные российские марксисты (Б.И. Славин) утверждают логику перехода диктатуры пролетариата во власть трудящихся и для трудящихся, современная история России являет опыт тоталитаризма, доминанты государства над личностью и движение бюрократии к созданию системы собственной монополии [9].

Правовая система в этом контексте перестает быть пространством социальной свободы, как это мыслилось марксистской утопией, и нынешние объяснения по поводу того, что мы пережили период государственного социализма, не допускающего разнообразия собственности, культуры, самоорганизации, не является сильным аргументом в пользу того, что речь шла об устранении и преодолении эффектов бюрократизации. Поэтому, приступая к материалам исследования, мы посчитали важным определение того, в какой точке находится соотношение права и социальной справедливости в современном обществе, как отношение социальной справедливости в общественном сознании влияет на ценность права и каким образом позиция социальной справедливости может воздействовать на крепление правового равенства как условие социальной свободы.

Материалы исследования. Обратимся к такому факту, как маргинализация права в российском обществе. Кто-то удивится: в констатации данного факта не содержится принципиально нового, что подвигло бы к пониманию реальных горизонтов соотношения права и социальной справедливости в российском обществе. То есть право и социальная справедливость находятся в параллельных сферах, в общественном сознании право иг-

рает роль социального должностования, закрепления мечты о том, что для хорошего общества свойственен справедливый правовой порядок. Однако в рамках монополии правящей элиты право является реализацией идеи неконкурентной экономики, логики рантье, живущего на приватизации природных ресурсов, и как конечная цель — сохранение властных рычагов, потому что в России, как пишет О.И. Шкаратан, собственность и власть — неразделимые понятия [16].

Но в понимании маргинализации права есть определенный момент, связанный с динамикой общественных отношений, с тем, что в ранний постсоветский период возникло чувство веры в право как в переход России в цивилизованное состояние, хотя бы на уровне повторения восточно-европейского пути, что существующая анархия и хаос, расщепленность правового пространства в параде суверенитетов являются болезненными, но неизбежно уступающими место правовым процессам, в которых в одинаковой степени заинтересованы базовые социальные слои российского общества и новые социальные группы [5].

Но позиции права в современном российском обществе являются крайне неустойчивыми и уязвимыми даже не в контексте критики правоприменения, связанного с нарушениями процессуального равенства, а на более глубоких основаниях, определяемых тем, что правовые нормы используются в качестве «амальгамы» неправовых решений, с тем, что институт права «вязнет» в отношениях, в лучшем случае, характеризующих частные правовые порядки, которые могут замещать дефицит права в общественном взаимодействии, но иметь риск превращаться в доминанту, направленную на ненужность универсальных правовых норм. В этом смысле запрос на социальную справедливость форматируется через ожидания равных возможностей, то, что можно назвать стратегией обеспечения прав граждан.

Как отмечает М. Трудолюбов, какие бы ни выдвигались претензии к частному пространству в России, оно, являясь «забором», формирует понимание «собственного дома как крепости» и в этом смысле, являясь архаичным индивидуализмом, соответствует авторитету права.

М. Трудолюбоб намеренно или непреднамеренно упускает один любопытный момент, связанный с тем, что социальная справедливость в предшествующий период воспринималась в официальном дискурсе, ассоциировалась с коллективным владением, коллективными ценностями, в то время как приватное пространство являлось «стихий», порождающей буржуазные «частнособственнические» пережитки [13]. Это несколько упрощенная схема тем не менее дает возможность понять, что оценка социальной справедливости в массовом сознании современного российского общества индивидуализировалась, воспринимается как благо большинства, но при этом те, кто могут оцениваться как «нелегитимные» собственники, не заинтересованы в меритократическом измерении социальной справедливости и насаждении новой социальной сословности, не являются объектом социальной зависти, в какой-то степени вызывая поддержку экспансии приватного пространства. Если речь идет о влиянии данной позиции на правовое поле, то праву приписывается охранительная функция, «застолбление» того, что было достигнуто в годы приватизационных реформ, и в этом смысле нельзя ожидать введения в правовую систему дискурса ренационализации собственности. В таком случае социальная справедливость может восприниматься как моральная декларация, как маркер того, что личность не вовлечена в «крысиные гонки обогащения», не имеет целью власть как способ коррумпирования и дистанцируется от контактов с правовой системой в качестве алгоритма обыденной жизнедеятельности [11].

Ценность права в российском обществе инструментальна, то есть признается ее значимость в качестве способа реализации жизненных целей, но если говорить о сдвигах в общественном сознании, то для российского общества не является определяющей дискурс права человека, правового государства гражданского общества. Если понимать, что подобная формула испытывает немалые потрясения на коллективном западе, связанные с тем, что характеризуется как испытание культурой, как сужение сферы воздействия права в контексте институционализации культурных групп, отрицания права как формы принятия идентичности и ссылки на традиции как обоснования изначальной причис-

ленности человека к группе. Для российского общества эти вопросы не привязываются к особенностям личности, не являются защитой справедливости и не актуальны в качестве сохранения «этнической» культуры.

Таким образом, изменения в системе права ожидаемы в контексте справедливого права, согласования с утверждением, что в обществе необходимо гарантировать «право на право» [11], то есть на утверждение права личности или группы определять границы своих прав на основании представлений о социальной справедливости. Здесь проявляется парадокс расхождения между претензией правовых норм на универсальность и ожидание действенности правовых норм в границах социальной справедливости, дифференцированной в общественном сознании. Основанием для негативной солидарности большинства россиян является то, что в сложившейся правовой системе социальная справедливость оценивается архаизмом, замещается паллиативами социальной поддержки и компенсации, которые могут восприниматься как практика зависимости населения от государственной бюрократии.

Реально речь идет о постсоветской перспективе социальной справедливости, и нынешний информационный фон, создающий образы прекрасного прошлого, в реальности ограничивает адекватную оценку социальной справедливости современности, что является результатом предыдущего катастрофизма, и правовая система сложилась из разделения общества и права, институциональной системы, ориентированной на недееспособность права в обосновании социальной справедливости, тем более, в идеале прошлого, но определенной логикой усиления значимости безопасности и сохранительства.

Резюме. Рассмотрение представленной проблематики права и социальной справедливости является достаточно актуальной в концептуальном и социально-практических аспектах, так как дискуссия либеральных теоретиков относительно неоднозначного положения западного либерализма, где традиционно сильной стороной является расширение индивидуальных прав, испытывает затруднения, связанные с претворением в жизнь либеральных принципов в сфере дистрибутив-

ной справедливости, так как под вопросом оказывается справедливость как первая добродетель общественных институтов: исходная позиция определяется тем, что действует принцип нулевой — неведение того, что человек выбирает принципы социального устройства, не предопределённые идеей социального блага, какой она может быть принята в качестве универсальной, «единообразной».

В этом смысле, как следствие, наиболее адаптивной является понимание социальной справедливости как меры, имеющей количественные показатели доступности к социальным благам, но парадокс ситуации в российском обществе заключается в том, что доминирующее в массовом сознании понимание социальной справедливости как равенства возможностей опирается на амбивалентную правовую базу, реально определяется расхождением декларативных принципов и тем, что право моралистически истолковывается, ему вменяется вина в культ формализации и веры в процедуральное равенство.

В обществе, где не обнаруживается общность судьбы под влиянием значимых социокультурных расколов, соответствие права и социальной справедливости предопределённым образом не достигнуто, так как социальная справедливость связывается с идеей всеобщего социального блага, но симптоматично право задается как идея организованности, порядка, ориентированного на ограничения «зла» в силу того, что «добро», всеобщее благо относится к высшим ценностям. Принятые в российском обществе оценки права как «несправедливого» являют собой отражение негативных стереотипов массового сознания о праве как подержании законного порядка, но не заботы об общественном благе. В таком контексте парадоксы социальной справедливости и права в современном российском обществе нуждаются в переходе на позиции симметрии несовершенной справедливости и диктата права как результата и корпорирования на всех уровнях общественной жизни правовых норм.

Список источников

1. Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое Литературное Обозрение, 2011. 448 с.

2. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

3. Жижек С. Год невозможного. М.: Европа, 2012. 272 с.

4. Лиотар Ж.Ф. Состояние модерна. СПб.: Аллитея, 1998. 160 с.

5. На перепутье. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. 340 с.

6. Самосознание культуры и искусства XX в. М., СПб.: Университетская книга Культурная инициатива, 2000. 640 с.

7. Смит Р. История гуманитарных наук. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 392 с.

8. Современный либерализм. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 248 с.

9. Социализм 21. М.: Культурная революция, 2009. 720 с.

10. Социальная эпистемология. Идеи, методы, программы. М.: «Канон+ РООН» «Реабилитация», 2010. 712 с.

11. Социальное неравенство и публичная политика. М.: Культурная Революция, 2007. 336 с.

12. Тернер Ф.М. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше. М.: Кучково поле, 2016. 384 с.

13. Трудолюбов М. Люди за забором. Власть, собственность и частное пространство в России. М.: Новое издательство, 2015. 246 с.

14. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

15. Хеффе О. Справедливость. Философское введение. М.: Праксис, 2007. 192 с.

16. Шкаратан О.И. Социология неравенства теория и реальность. М.: Высшей школы экономики, 2012. 526 с.

References

1. Berlin I. *Filosofija svobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2011. 448 p. (In Russ.).

2. Bek U. *Obshhestvo riska na puti k drugomu modernu* [The risk society is on the way to another modernity]. Moscow: Progress-Tradicija, 2000. 384 p. (In Russ.).

3. Zhizhek S. *God nevozmozhnogo* [The year of the impossible]. Moscow: Evropa, 2012. 272 p. (In Russ.).

4. Liotar Zh. F. *Sostojanie moderna* [The state of Art Nouveau]. Saint Petersburg: Alliteja, 1998. 160 p. (In Russ.).

5. Na pereput'e [At the crossroads]. Moscow: Izdatel'skaja korporacija «Logos», 1999. 340 p. (In Russ.).
6. Samosoznanie kul'tury i iskusstva XX v. [Self-consciousness of culture and art of the XX century]. Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaja kniga Kul'turnaja iniciativa, 2000. 640 p. (In Russ.).
7. Smit R. Istorija gumanitarnyh nauk [History of the Humanities]. Moscow: GU VShJe, 2008. 392 p. (In Russ.).
8. Sovremennyj liberalizm [Modern liberalism]. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 1998. 248 p. (In Russ.).
9. Socializm 21 [Socialism 21]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2009. 720 p. (In Russ.).
10. Social'naja jepistemologija. Idei, metody, programmy [Social epistemology. Ideas, methods, programs]. Moscow: «Kanon+ROON» «Reabilitacija», 2010. 712 p. (In Russ.).
11. Social'noe neravenstvo i publichnaja politika [Social inequality and public policy]. Moscow: Kul'turnaja Revoljucija, 2007. 336 p. (In Russ.).
12. Terner F. M. Evropejskaja intellektual'naja istorija ot Russo do Nicshe [European intellectual history from Rousseau to Nietzsche]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 384 p. (In Russ.).
13. Trudoljubov M. Ljudi za zaborom. Vlast', sobstvennost' i chastnoe prostranstvo v Rossii [People behind the fence. Power, property and private space in Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2015. 246 p. (In Russ.).
14. Fedotova V. G. Horoshee obshhestvo [Good society]. Moscow: Progress-Tradicija, 2005. 544 p. (In Russ.).
15. Heffe O. Spravedlivost'. Filosofskoe vvedenie [Philosophical introduction]. Moscow: Praxis, 2007. 192 p. (In Russ.).
16. Shkaratan O. I. Sociologija neravenstva teorija i real'nost' [Sociology of inequality theory and reality]. Moscow: Vysshej shkoly je-konomiki, 2012. 526 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 08.02.2022.
The article was submitted on 26.01.2022; approved after reviewing on 28.01.2022; accepted for publication on 08.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

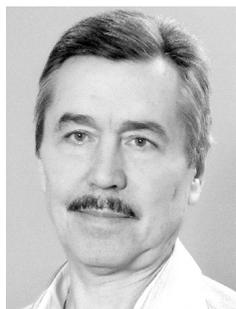

Римский Алексей Викторович — кандидат философских наук, лейтенант полиции, преподаватель кафедры «Государственно-правовые дисциплины», Белгородский юридический институт МВД РФ им. И. Д. Путилина.

Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71

Alexey V. Rimskiy — Candidate of Philosophical Sciences, Lieutenant of Police, Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin.

71 Gorkogo st., Belgorod, Russia

Любченко Василий Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Vasiliy S. Lyubchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, «Social Sciences and Humanities» Department, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Вклад авторов:

Римский А. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Любченко В. С. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Rimskiy A. V. — scientific leadership; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Lyubchenko V.S. — revision of the text; final conclusions.